
Международные взаимоотношения русской литературы

А. А. Назаревский

К истории русско-украинских литературных связей

(статья вторая)¹

Памятники русской литературы XIV—XVII ст. в украинских списках, переводах и переделках

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗМАРАГД

Почти 40 лет назад В. Н. Перетц справедливо заметил, что «от XV в. мы имеем лишь скудные следы литературной жизни на Украине, ничтожные обрывки литературных памятников»². Этими дошедшими до нас «скудными сведениями о литературном движении на Украине в конце XV в.» приходится особенно дорожить еще и потому, что они позволяют судить о том, «какие памятники древнего наследия с точки зрения переводчика-популяризатора (со старославянского на тогдашний украинский язык. — А. Н.) должны были в первую очередь стать доступными светскому читателю»³. К числу таких памятников относились древнерусские учительные сборники, «касающиеся не столько вопросов отвлеченной, теоретической морали, сколько явлений живого быта»⁴, и среди них так называемый «Измарагд», широко известный в русских списках, начиная с XIV в.⁵

О давнем и стойком интересе к этому памятнику со стороны украинских переписчиков говорят прежде всего неоднократные случаи может быть еще бессознательного, случайного проникновения украинской живой речи в славянорусский текст Измарагда в рукописях Киево-Михайловского монастыря № 489 (1657), XV в., № 492 (1651), XVI в. и В. Н. Перетца Q, № 3, начала XVII в., а затем, особенно, случаи подлинного, последовательно выполненного перевода на украинский язык, какие встречаем в рукописи XV в. Киево-Михайловского монастыря № 488 (1646)⁶ и в рукописи XVII в. Церковно-Археологического музея во Львове № 42, Q, откуда Ю. А. Яворский издал три статьи этого украинского перевода (*Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin. 1908). Здесь, в этих переводах, изменения обычного славяно-русского текста охватывают не только фонетику и морфологию, но и синтаксис, самое построение предложений. Украинские записи читателей и фонетические

¹ Статья первая опубликована в «Вопросах русской литературы», 1967, вып. 3(6).

² В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, Изд-во АН СССР, т. III, Л., 1929, стр. 18.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же.

⁵ История русской литературы, Изд-во АН СССР, М.—Л., т. II, ч. I, 1945, стр. 157.

⁶ Этому переводу посвящена цитируемая выше статья В. Н. Перетца.

украинизмы есть также в двух рукописях XVI в. собрания А. Петрушевича: № 1. (полуустав начала XVI в.) содержит 164 главы Измарагда, в сборнике № 69 «много глав из Измарагда». Наконец, заслуживает еще внимания какое-то видоизменение «Измарагда» или извлечение из него в одном из сборников собрания П. Симсона. Рукопись (№ 2) относится к XVI в. и в ряде статей имеет несомненные украинизмы⁷.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Весть о победе русских войск на поле Куликовом над полчищами Мамаю (1380) быстро разнеслась («шибла», как говорится в одном списке «Задонщины») по многим странам Востока и Запада и произвела большое впечатление во всем тогдашнем феодальном мире. Вполне естественно, что исторические и литературные произведения Куликовского цикла, начавшие появляться уже с конца XIV в., привлекли внимание не только в самой Московской Руси, но и за ее пределами, прежде всего — в соседних странах. Населению украинских земель, находившихся под властью Литвы и Польши, в течение нескольких столетий приходилось вести упорную и тяжелую борьбу с татарами, а позже — уже после воссоединения с Русским государством — и с турками. Вполне понятен тот повышенный интерес, который грамотные украинцы XVI—XVIII вв. проявляли к рукописным сказаниям о Куликовской битве. Они читали их, переписывали, перерабатывали, внося черты родного языка, живой разговорной речи или приближаясь к книжному украинскому языку своего времени. Об этом убедительно говорят некоторые сохранившиеся до нашего времени рукописи и печатные издания. Так, еще в конце прошлого столетия впервые был издан третий из известных тогда списков «Задонщины», но лишь в 1926 г. В. Н. Перетц указал, что опубликованный текст (в рукописи Московской Синодальной библиотеки № 790) содержит «явные следы украинского происхождения, доказывающие, что этот памятник был известен и переписывался на Украине»⁸.

Другой памятник Куликовского цикла — «Сказание о Мамаевом побоище» — нашел отражение в его так называемой «западнорусской обработке», опубликованной С. Шамбинаго (по рукописи собрания Погодина, XVII в., с вариантами из рукописи собрания Толстого — 1, 157, XVII в.) в его монографии 1906 г. Западнорусская обработка дает сжатое и долговое изложение третьей редакции «Сказания» и относится, по-видимому, к началу XVII в., как полагает Шамбинаго (стр. 368). В языке обработки есть черты, типичные как для белорусской, так и для украинской книжной речи XVI—XVII вв., но есть, наряду с белорусским аканьем, чисто украинское смешение (на письме) *ѣ* и *и* (у Шамбинаго оно не отмечено).

Вне всякого сомнения, эта западнорусская обработка, являющаяся скорее юго-западнорусской, могла иметь (и, можно думать, имела) одинаковое распространение и среди украинского населения — так же, как и среди белорусского.

Наконец, есть и украинская обработка «Сказания о Мамаевом побоище», правда, написанная на славяно-русском языке. Это со-

⁷ См. В. Перетц. Материалы до історії української літературної мови, Записки Наукового товариства ім. Шевченка, 1906, т. 67.

⁸ А. Смирнов. Третий список «Задонщины» по Синодальному скорописному сборнику XVII века, «Русский филологический вестник», 1890, № 2; В. Н. Перетц. Исследования и материалы..., т. I, Л., 1926, стр. 105.

Недавно вышло третье по счету издание Синодального списка «Задонщины» в книге: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, «Наука», М.—Л., 1966, стр. 550—556.

кращенный пересказ четвертой редакции русского Сказания, вошедший в третье издание Синописа (1680, Киев). По словам неизвестного автора, сознававшего всю важность успешного отпора посягательствам «басурман» (турок) на украинские земли, он включил эту повесть в свое сочинение, «да и прочие христоименити вой, ревнующе толикому древних ветязей храброму против нечестивого Мамаю мужеству дерзновенно и сами подвизаются на врагов креста святого»⁹.

Так как Синопис, неоднократно переиздававшийся, получил очень широкое распространение, то тогдашние читатели его — и русские и украинские — знакомились со Сказанием о Мамаевом побоище главным образом в пересказе Синописа. Этот вид «Сказания о Мамаевом побоище», по словам С. Шамбинаго, «почти вытеснил все остальные»¹⁰. Примечательно, что большинство рукописей Сказания о Мамаевом побоище XVIII в. рассказывает о Куликовской битве 1380 г. именно «по Синопису». Несмотря на то, что язык киевского издания Синописа был в основном славяно-русский, здесь можно видеть любопытный случай обратного влияния одной культуры на другую.

ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ НА МОСКВУ ТЕМИР-АКСАКА

Угроза нашествия Темир-Аксака на Москву в 1395 г. и неожиданный уход его на юг вызвали создание специальной повести об этом событии. Текст повести попал и в Прологи, очевидно, по той причине, что в распространенной редакции первая часть — о перенесении Владимирской иконы в Москву — разработана в житийном стиле.

Эта повесть известна в украинских списках XVII в. Два списка находятся в собрании А. Петрушевича, причем оба — в составе Пролога. Одна из рукописей — сборник житий № 6 — 1618 г., другая — Пролог, мартовская половина (№ 57) — конца XVII в.¹¹.

«ПРОСВЕТИТЕЛЬ» ИОСИФА ВОЛОЦКОГО (САНИНА)

Еще один яркий пример того, что сама жизнь украинского общества XVI—XVII вв. толкала тогдашних писателей и общественных деятелей на использование памятников московского происхождения, — перевод на украинский литературный язык в начале XVII в. обширного труда Иосифа Волоцкого (Санина), игумена Волоколамского монастыря, под названием «Просветитель». Возникший в связи с ожесточенной борьбой официальной церкви против антицерковных направлений второй половины XV в., этот богословский трактат и одновременно страстный памфлет представлял благодарный материал для борьбы украинских ревнителей православия против распространившегося на Украине и в Белоруссии во второй половине XVI в. арианства (социнианства). В. Н. Перетц «с большой уверенностью» утверждает, что украинский перевод «Просветителя», «этого памятника московской учености», «был вызван распространением арианства»¹². Перевод (может быть даже оригинал переводчика) сохранился в рукописи собрания Уварова № 852, начала XVII в., и, бесспорно, предназначался как идеологичес-

⁹ И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. Труды отдела древнерусской литературы Пушкинского дома, Изд-во АН СССР, т. X, М.—Л., 1954, стр. 221 (примечание).

¹⁰ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 371.

¹¹ См. Українсько-руський архів, т. I, Львів, 1906, стр. 94, 125.

¹² В. Н. Перетц. Исследования и материалы., т. II, Л., 1928, стр. 110.

кое оружие «для борьбы с неправославно мыслящими». Возможно, что непосредственным оригиналом для переводчика была рукопись собрания Ундольского № 486, причем перевод носил свободный характер: переводчик многое изменял, одно выпускал, другое добавлял. В целом же «перевод сделан деловито и... достаточно точно»¹³. По наблюдениям В. Н. Перетца, этот перевод «по словарному составу и синтаксису чрезвычайно близок к полемическим памятникам эпохи украинского возрождения... Не зная, что перед нами перевод известного московского Просветителя, можно было бы подумать, что украинский текст явился как самостоятельное произведение, настолько стиль его свободен и не связан синтаксисом и лексикой оригинала»¹⁴.

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА И НИЛА СОРСКОГО

Во второй половине XVI в. на Украину были занесены из Москвы некоторые сочинения Максима Грека и Нила Сорского. «Указ о скитской жизни» Нила Сорского в украинском списке XVII в. сохранился в рукописи Румынской Академии № 70, а переведенная Максимом Греком Толковая псалтырь «западнорусского» письма XVII в. с украинскими приписками имеется в рукописи Венской придворной библиотеки № 31 (13). Оба эти памятника помогли украинскому народу отстаивать свою национальную независимость¹⁵.

ПОВЕСТИ

Повесть о белом клобуке. Из сравнительно поздних повествовательных произведений русской литературы на Украине была известна «Повесть о новгородском белом клобуке». Возникнув, приблизительно, в конце XV в., она получила большое распространение и до нашего времени дошла более чем в двухстах списках. Украинский список XVIII в. есть в библиотеке АН УССР — № 533 (1737) по Описанию Петрова (II).

Повесть о Дракуле. В собрании рукописей Барсова есть украинский список повести о Дракуле, появившейся в русской литературе в последней четверти XV в. и известной теперь более чем в двадцати списках. Список Барсова (№ 604) — второй половины XVII в. с украинскими и некоторыми белорусскими особенностями в языке (главным образом фонетическими). Возможно, что переписчиком повести был украинец из североукраинских областей¹⁶.

Беседа отца с сыном. Вероятно, во второй половине XVII в. сложилась «Беседа отца с сыном о женской злобе», известная в ряде русских списков XVII—XVIII вв. и привлекающая внимание и украинских читателей. Список этого произведения XVIII в. с украинскими особенностями в языке и орфографии имеется в библиотеке АН УССР, собрание Киевского университета № 35.

Повесть о бражнике. Не позже XVII в. в русской литературе появилась «Повесть о бражнике», пародирующая старые пере-

¹³ В. Н. Перетц. Исследования и материалы., т. II, стр. 112, 115.

¹⁴ Там же, стр. 122.

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Материалы к вопросу о русско-украинских связях XV—XVII вв. В сб.: Исследования по отечественному источниковедению. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 60.

¹⁶ Текст издан в кн.: Я. С. Лурье. Повесть о Дракуле, «Наука», М.—Л., 1964, стр. 135—139. См. также: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, Известия РЯС АН СССР, 1929, т. II, кн. 2.

водные «хождения в рай». Уже в XVII в. она попала в индекс запрещенных книг. Эта небольшая сатирическая повестушка о бражнике, «како вниде в рай», пользовалась значительной популярностью и у русских и у украинских читателей. Среди более чем сорока списков XVII и XVIII вв., известных на сегодня, пять украинских. Издан пока только один — по рукописи Московского Публичного музея № 1244, XVIII в.¹⁷ Возможно, к началу XVII в. относится текст в сборнике Львовского народного дома № 143; все остальные — XVIII в.: Львовского народного дома № 213 половины XVIII в.; Румянцевского музея собрание Тихонравова № 8 — 1788 г.; архива Франко № 525 (Калуский сборник) — XVIII в. Украинские списки, можно думать, восходят к русским.

ПЕРЕВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Уже Киевская Русь была знакома с такими отдельными переводными памятниками апокрифической литературы, которые и в русской литературе последующих веков (XIV—XVIII) продолжали пользоваться широкой известностью, пополняясь иногда новыми переводами апокрифов. Знает эти произведения и украинская литература тех же столетий, и, конечно, только специальные исследования могли бы установить, в каких случаях эти украинские списки апокрифов восходят к старой древнерусской традиции, а какие представляют перевод или переработку позднейших русских апокрифических текстов. То же, в сущности, можно было бы сказать и о переводных повестях. Вот почему в дальнейшем уже не будут рассматриваться поздние украинские списки апокрифов, как и некоторые повести, за исключением переводных повестей явно позднего происхождения.

СОЧИНЕНИЯ НИЛА СИНАЙСКОГО

С середины XIV в. в славяно-русской письменности широкой известностью пользовались произведения морального содержания в приточной форме, связанные с именем Нила Синайского. Среди рукописей собрания Барсова (ГИМ № 1676) имеется так называемый «Цветник духовный», XVII в., написанный украинской скорописью, но на старославянском языке. Только «главы поучительные Нила» написаны книжным украинским языком XVII в. В. Н. Перетц установил, что украинский перевод изречений Нила сделан не с печатного московского издания «Анфологиона» 1660 г., а самостоятельно — с другого греческого оригинала, причем переводчик давал не полный перевод, подряд, а делал выборку, относясь к оригиналу довольно свободно. Кроме «поучительных глав», в украинском переводе известна еще статья с именем Нила «О осми помыслах», встречающаяся в славянских рукописях в огромном количестве списков с XIV в. Очевидно, такая популярность этой статьи и привлекла внимание украинского переводчика, который решил сделать ее доступной для широкого круга читателей «простецов» и перевел на «простую мову». В рукописи Киево-Печерской лавры № 267, написанной украинской скорописью и содержащей перевод названной статьи, есть дата ее написания — 1604 г. Поскольку украинский перевод восходит не к древнему славянскому тексту, а к «ходячему популярному» конца XVI в., В. Н. Перетц считает, что он был сделан

¹⁷ В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести. Университетские известия, 1907, № 9, стр. 71—73.

«не Очень задолго до указанной даты» в связи с подъемом национального самосознания на тогдашней Украине. Перевод отличается известной чистотой языка, малым количеством полонизмов и «соединяет точность буквальную с точностью смысловую»¹⁸.

ЛЕСТВИЦА

Широко распространенная в древнерусской письменности «Лествица» Иоанна Синайского была обращена к инокам и раскрывала перед ними путь нравственного совершенствования. Древнеболгарский перевод этого памятника известен в русских списках XII и XIII вв. (Румянцевский музей № 198 и 199); однако большее распространение получил новый, исправленный болгарский перевод, появившийся у нас в последние десятилетия XIV в. Поздние списки «Лествицы» очень многочисленны.

Перевод «Лествицы» на украинский литературный язык появился не позже первой половины XVII в. в связи с национально-религиозным возрождением, начавшимся в конце XVI в. Единственная известная украинская рукопись первой половины XVII в. (Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии № 152—0.4°86) представляет не сплошной перевод оригинала, а лишь выборку того, что наиболее интересовало переводчика в этой книге о «восхождении по лестнице совершенствования». Его особенно интересовали темы о послушании, об искушениях, о покаянии, о нечистых мыслях. Любопытно, что составитель сборника, куда вошел сокращенный перевод «Лествицы», непосредственно вслед за ним поместил ряд нравоучительных «прикладов» из «Великого зеркала» на те же темы. Очевидно, содержание «Лествицы» в значительной мере сближалось с другими аналогичными переводными памятниками старой украинской литературы, трактовавшими вопросы личной и общественной морали¹⁹.

ЛИТОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Возникшие в XV—XVI вв. «Литовские летописи» (западнорусские) являются общим достоянием украинской и белорусской литературы, язык их сохраняет особенности речи обоих народов. Но особенно важно в данном случае то, что создавались они под непосредственным воздействием так называемого московского митрополичьего свода и Новгородской IV-й летописи²⁰.

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

Хотя повести об Аттиле, Бове и Тристане, входящие в известный Познанский сборник XVI в., «по языку относятся к числу белорусских», можно признать их доступными и для украинского читателя и косвен-

¹⁸ В. Н. Перетц. Исследования и материалы., т. I, стр. 91.

¹⁹ Там же, стр. 77. Настоящая статья была уже сдана в печать, как стало известно, что в Отделе рукописей Института литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР обнаружен полный украинский перевод «Лествицы» в рукописи середины XVII в. Рукопись получила шифр — ф. 20, № 48.

²⁰ Т. Сушицький. Західно-руські літописи як пам'ятка літератури, К., 1930; см. также: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1938.

но относящимися к украинской литературе, так как «эпоха, к которой относится перевод их, не различала еще белорусской и украинской речи в литературном употреблении»²¹. Возможно, что первоначально украинские читатели знакомились с повестью о Бове по русским спискам, сохранившимся в большом количестве (не менее 70 списков XVII—XVIII вв.). Украинский перевод Бовы известен в единственном новгород-северском списке последней четверти XVIII в. в собрании Перетца (ныне в Пушкинском доме под шифром I. 114. 365). Сделан он свободно, по языку же представляет смешение особенностей украинской речи с немногими полонизмами и южновеликорусизмами²². Из записи в рукописи узнаем, что «переписано похождение сие 1788 года декабря 28 собственными трудами диакона Алексея Николаенка». Прототипом украинского списка 1788 г. является четвертая (контаминированная) русская редакция повести о Бове. Полностью украинский текст издан в книге Б. Деркача «Перекладна українська повість XVII—XVIII століть» (1960).

РАССКАЗЫ ИЗ «ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА» И «РИМСКИХ ДЕЯНИЙ»

Что касается таких популярных средневековых западноевропейских сборников, как «Великое зеркало» и «Римские деяния», то оба они с XVII в. были известны и в русской и в украинской литературах в самостоятельных переводах с польского языка, причем некоторые рассказы из обоих сборников в обеих братских литературах пользовались особой популярностью и распространялись отдельно в многочисленных списках. Сюда относятся, например, повесть о папе Григории, легенда о гордом царе, повесть о епископе Удоне магдебургском и некоторые другие. В данном случае наличие самостоятельных русских и украинских переводов западноевропейских сборников также говорит об общности интересов, о близости культурных запросов двух братских народов.

Правда, мы не знаем полного текста украинского перевода (с польского) «Великого зеркала», известны лишь более или менее значительные выборки из него²³, но это, может быть, объясняется тем, что украинские читатели в большинстве были достаточно знакомы с польским языком и могли пользоваться печатными польскими изданиями сборника. В XVIII в. иногда делались украинские переводы с русского текста, но не с первого, а со второго русского перевода²⁴. Из русских рукописей, очевидно, перекочевал в украинскую литературу восточный (византийский) вариант легенды о гордом царе Аггее, тогда как в «Римских деяниях» фигурирует гордый (в украинских текстах «пышный») цесарь Иовиниан. Единственный украинский текст сказания о гордом Аггее был указан И. Франко в Испасской рукописи XVIII в.²⁵ И. Франко указал также единственный полный украинский текст «Римских деяний» в рукописи Степана Самборины первой половины XVIII в., принадлежавшей библиотеке Перемышльского капитула (шифр LI.I. 8;

²¹ В. Н. Перетц. Исследования и материалы, т. I, стр. 104—105.

²² В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 52—53.

²³ Например: 42 рассказа в рукописи Синодальной библиотеки № 729, 1654 г.; 67 рассказов в рукописи середины XVII в. библиотеки АН УССР № 278(129); 273 рассказа в рукописи XVIII в. библиотеки Перемышльского капитула.

²⁴ О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве, «Наука», М., 1965, стр. 98.

²⁵ И. Франко. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв., Львів, 1900, стр. 103; архив Франко № 44.

в настоящее время местонахождение рукописи неизвестно). Нередки случаи включения рассказов одного из названных сборников в другой²⁶.

«СВОДНЫЙ» ПАТЕРИК

Здесь можно упомянуть еще украинский список такого своеобразного пересводного памятника древнерусской литературы, как «сводный» патерик²⁷. Появившись в Болгарии в XIV в., он получил потом широкое распространение и за ее пределами. Многочисленные рукописи с конца XIV в. по XVIII в. включительно представляют изводы болгарский, сербский, русский и украинский. И. П. Еремин в своем исследовании об этом памятнике использовал около 60 его списков, оговорившись, что ряд рукописей остался для него недоступным. Украинский извод представлен пока единственным списком в рукописи Киевского Михайловского монастыря № 486 (1653), XVII в., который восходит к одной из многочисленных редакций (свыше 20) русского извода. Но даже этот один список свидетельствует о том, что украинские читатели XVII в. обращались к тому же назидательному материалу, что и русские, читали те же произведения и переписывали их, внося в текст украинские языковые особенности.

«ЮГО-ЗАПАДНОРУССКИЕ» СБОРНИКИ

Упомяну здесь также о нескольких «западнорусских» сборниках XVI и XVII вв., на которые в конце прошлого столетия обратил внимание А. И. Соболевский в своих «Заметках о малоизвестных памятниках юго-западнорусского письма XVI—XVII вв.»²⁸.

В их языке, наряду с белорусизмами, встречаются (в различной степени) фонетические, морфологические и лексические украинизмы.

Сборник Московской Синодальной библиотеки № 937, второй половины XVI в.

Сборник Московского Румянцевского музея № 2616, второй половины XVI в.

Сборник Московского Румянцевского музея № 159, конца XVI в.

Сборник Московского Румянцевского музея № 373, XVII в. В составе двух последних сборников главным образом произведения житийной литературы.

Северо-восточная Русь в XVII в. была достаточно знакома с фактами литературной жизни Украины конца XVI—начала XVII вв. («домогиянского периода»). Пережив потрясения «смуты» и польскую интервенцию начала XVII в., широкие народные массы и представители передовых кругов московского общества с особенным вниманием и сочувствием относились к борьбе братского украинского народа за свою национальную независимость и национальную культуру. Памятники полемической литературы конца XVI—начала XVII вв., появившиеся на Украине, нашли большое распространение и в Московской Руси. «Не-

²⁶ Автор настоящей статьи готовит издание обнаруженных им украинских текстов рассказов из «Римских деяний» с соответствующим введением и комментариями.

²⁷ Ему посвящено специальное исследование: И. П. Еремин, Сводный патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах, Записки історично-філологічного відділу УАН, кн. XII і кн. XV, К., 1927.

²⁸ Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца, 1895, кн. 9 (отд. II). Опускаю указания на те памятники, в описаниях которых имеется оговорка: «Малорусизмов несомненных нет».

которые из украинских книг этого рода в Москве в XVII веке не только внимательно перечитывались, но и переводились на русский язык, нередко переделывались, а иногда даже, полностью или в извлечениях, переиздавались»²⁹. Так, например, в состав напечатанной в Москве в 1644 г. Кирилловой книги были включены — в переводе на тогдашний книжный русский язык — трактат Василия Острожского «О единой истинной православной вере» (1588); «Казанье святого Кирилла патриархи... о антихристе» Стефана Зизания (Вильна, 1596), ряд других сочинений и статьи острожской «Книжицы» (1598), в том числе одно из самых ярких посланий Ивана Вишенского — его гневная отповедь епископам-ренегатам. Надо сказать, что сочинения Ивана Вишенского распространялись в Великороссии и в списках, к ним охотно обращались и старообрядцы.

Знаменательно, что в книгах, печатавшихся на Украине, в предисловиях и послесловиях не раз высказывалась идея общерусского единства как следствие единства веры. Архимандрит Елисей Плетенецкий в предисловии к беседам Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла, вышедшим в 1623 г. в Киеве, обращается «ко всему русскому и православному народу и ко всем единоверцам»; Захария Копыстенский в предисловии к Беседам Иоанна Златоуста на книгу Деяний апостольских (Киев, 1624) предлагает читателям — «россам и славянам» — благосклонно принять это сочинение; а лаврский типограф Памва Берында, выпустивший в Киеве в 1627 г. Триодион в переводе «на российскую беседу общую» (то есть «на простую мову»), выражает в послесловии пожелание, чтобы книгу эту встретили снисходительно («да не пререкуют») «великороси, болгаре и серби и прочии подобнии нам в православии»³⁰.

Еще один памятник, до сих пор не изученный, несмотря на обилие списков и давнюю известность в научной литературе, должен быть упомянут здесь, как звено, связывавшее русскую и украинскую литературы XVII—XVIII вв. Я имею в виду популярный сборник чудес богородицы под названием «Звезда пресветлая». А. И. Соболевский считал, что для русских списков этого переводного памятника оригиналом была «печатная книга на белорусском языке, до нас не дошедшая, но находившаяся в 1689 г. у кн. В. В. Голицына (без заглавного листа)». Действительно, в русских списках «Звезды пресветлой» не раз упоминается о «белорусской книзе, от нея же преведесе сия книга»³¹. Однако термины «белорусская книга», «белорусское письмо», «белорусский язык» постоянно употреблялись и в старых рукописях и даже в научных работах применительно к памятникам, написанным на украинском литературном языке конца XVI—XVII вв., и есть все основания думать, что украинским языком (с некоторыми белорусизмами) был и язык не сохранившегося издания «Звезды пресветлой» (приблизительно, середины XVII в.; в большинстве списков годом перевода указан 1668 г.). Со сборником «Звезда пресветлая» немало общего имеет другой сборник чудес богородицы — «Грешных спасение», составленный плодовитым новогреческим писателем Агапием Критянином, впервые изданный на греческом языке в Венеции в 1641 г. и не раз переиздававшийся. Славяносербский перевод этого сборника был сделан в XVII в. Самуилом Бакачичем, монахом одного из афонских монастырей, и известен в серб-

²⁹ И. П. Еремин. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке, ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 291.

³⁰ Н. К. Гудзий. Культурные связи украинского и русского народов до конца XVIII в., Ученые записки Саратовского госуниверситета, т. LVI, вып. филологический, Саратов, 1957, стр. 4.

³¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб, 1903. (Сборник ОРЯС, т. LXXIV, № 1), стр. 223—224, 222.

ских, болгарских и русских списках. Русский перевод с греческого оригинала сделал в конце XVII—начале XVIII в. монах Чудовского монастыря Дамаскин. Язык перевода «церковнославянский ученый», по определению А. И. Соболевского. Известны списки библиотеки АН СССР 31. 6. 38 начала XVIII в. (до 1716 г.) — полный; библиотеки АН СССР 34. 8. 33 первой половины XVIII в. (только первая часть) и Публичной библиотеки в Ленинграде Q. I. № 786 (только третья часть). В специальном исследовании И. Фетисова «Збірник легенд Агапія Крисяніна «*Αμαρτωλῶ σπηραία*» в українському та московському письменствах та народній словесності»³² украинские списки этого произведения не указаны, очевидно, автор ими не располагал. Но И. Фетисов ссылается на отголоски некоторых легенд сборника и в русских и в украинских народных легендах и подчеркивает, что Чудовский монастырь, где был сделан русский перевод памятника, в XVII в. был «пристанищем монахов-украинцев, приходивших в Москву» (стр. 94), то есть он предполагает возможную связь сборника и с украинской литературой.

Возможно, что и виршевая досиллабическая поэзия, прочно утвердившаяся в украинских печатных книгах конца XVI—начала XVII вв., стимулировала развитие и укрепление этого вида творчества у русских писателей начала XVII в. На связь раннего московского стихотворства с традицией украинской литературы указал в свое время еще А. И. Соболевский³³, о том же писал Н. П. Попов в специальной статье 1917 г. и убедительно говорил в 1928 г. Н. К. Гудзий, утверждая возможность влияния украинского стихотворства на «вирши» князя Катыва-Ростовского в его Летописной книге³⁴.

Точно так же известное воздействие украинских полемических виршей, направленных против католической церкви и очень распространенных в конце XVI—начале XVII вв., можно видеть в пространном стихотворном трактате князя Хворостинина (около 1625 г.) — «Изложение на еретики и злохулники».

У обоих наших авторов (особенно у Хворостинина) в языке их стихотворений встречаются очевидные украинизмы³⁵.

Конечно, собранный здесь материал далеко не исчерпывает всех многочисленных и разнообразных фактов, говорящих о взаимосвязях и взаимодействии культур двух братских народов, с древнейших пор уже связанных своей исторической судьбой³⁶. Одни из них намеренно не включены в настоящий обзор (об этом говорилось вначале), другие просто не попали в поле зрения автора, третьи вообще пока остаются неизвестными, затерянные среди не описанных или описанных слишком бегло рукописных собраний. Последнее обстоятельство заставляет лишний раз напомнить о том, что обращение к рукописным и старо-

³² Записки історично-філологічного відділу ВУАН, кн. XIX (1928) і XXIII (1929).

³³ «Библиограф», 1891, № 3—4, 7—8.

³⁴ Н. П. Попов. К вопросу о первоначальном появлении вирш в севернорусской письменности, Известия ОРЯС, 1917, т. XXII, кн. II, стр. 259—275; Н. К. Гудзий. Заметки о повести кн. Ив. Мих. Катыва-Ростовского, в кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, стр. 306—309 (особенно 308—309).

³⁵ И. П. Еремин. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке, ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 295—296.

³⁶ Некоторые дополнительные сведения см. в статье: Н. К. Гудзий. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах (Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов, Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 14—45).

печатным источникам, поиски новых и новых проявлений давнего взаимодействия русской и украинской литератур — прямая и неотложная задача наших исследователей-медиевистов.

Думается, однако, что и ограниченный отобранный здесь материал, который менее привлекал к себе внимание и говорит преимущественно о воздействии древнерусской (XI—XIII вв.) и собственно русской (XIV—XVII вв.) литературы на литературу Украины, борющейся за свою национальную и политическую независимость, — дает достаточное понятие о многообразии и прочности этого воздействия, а также напоминает о наличии обратного воздействия — украинской литературы конца XVI—XVII вв. на литературу русскую.

Кафедра русской литературы Киевского университета
